

А. Р. ОЩЕПКОВ,
Вл. А. ЛУКОВ

Межкультурная рецепция: русский Пруст

Александр Н. Веселовский высказал идею, в значительной степени опередившую методологию отечественного сравнительного литературоведения. Он писал: «Заимствование предполагает встречную среду...»¹ Эта идея выдающегося русского ученого, будучи перенесенной на проблему рецепции, предполагает, что рецепция есть активный акт переработки, трансформации воспринимаемой информации, а не пассивное ее усвоение, механическое заимствование и повторение. Поэтому исследование рецепции того или иного западного писателя в России должно вестись с учетом того, что А. Н. Веселовский называл «встречным течением» в воспринимающей культуре, в контексте исторических, литературных, культурных тенденций, характерных для определенных этапов развития страны и литературы-реципиента.

В работах В. М. Жирмунского отмечено, что художественное произведение изучаемого писателя «становится действенным фактором других литератур <...> оно включается в развитие этих литератур как явление общественной идеологии, в известном отношении равноправное с продуктами национального творчества»². А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, а также (в алфавите фамилий) М. П. Алексеев, Л. П. Гроссман, М. Е. Елизарова, П. Р. Заборов, И. М. Катарский, З. И. Кирнозе, Н. И. Конрад, А. Д. Михайлов, Н. П. Михальская, В. А. Пронин, другие крупные литературоведы заложили основы исследования русско-зарубежных литературных взаимодействий³.

В последние десятилетия литературоведческая мысль проявляет повышенный интерес к вопро-

сам рецепции⁴. С середины 90-х годов XX века в России издается серия «Современная западная русистика», в которой вышли книги авторитетных западных исследователей, посвященные изучению судьбы и рецепции зарубежных писателей в России⁵. Этими учеными активно изучается судьба произведений зарубежных писателей, оказавшихся на «русской почве» после их выхода в свет. Литературоведы рассматривают разные аспекты русско-зарубежных связей: от восприятия философско-эстетических взглядов того или иного писателя до функционирования отдельных литературных образов в сознании русскоязычного читателя и их освоения отечественной литературой.

В известном смысле поток компаративистских исследований не привел к обновлению отечественной концепции русско-зарубежных литературных связей. Поэтому пристальное внимание вызвала западная рецептивная эстетика, в которой эта новая концепция компаративных исследований не только заявлена, но и особым образом подчеркнута. Пражский структуралист Ф. Водичка еще в 1940-е годы в книге «История литературы, ее проблемы и задачи» поставил вопрос о том, кто должен рассматриваться в качестве реципиента и каковы его функции в освоении художественных текстов, о рецептивных критериях и нормах. Он полагал, что целью исследования могут быть лишь те тексты, которые показывают, как происходит «встреча» двух структур (про-

Статья выполнена в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимоотражении литератур», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант 06-04-00578а).

изведения и конкретной исторической эпохи). При этом для него принципиально важно, какие литературные нормы существуют в данную историческую эпоху и кто является реципиентом. В понимании Ф. Водички реципиентом должен быть наиболее яркий представитель установленной литературной нормы, а им может быть только литературный критик, получающий статус «попечителя литературной нормы»⁶.

Но рецептивная эстетика, которая могла бы стать заметным явлением еще в 1940-е годы, была отбрасываемой структурализмом (в том числе и в работах самого Ф. Водички). Только после появления работ Харольда Блума и Ханса Роберта Яусса она привлекла к себе широкое внимание.

Х. Блум связывает понятие рецепции с процессом «взаимовлияния». В книге «Страх перед влиянием» он пишет о том, что «влияние менее всего выражается в имитации воспринятых образов, стилей и идей»⁷. Процесс «взаимовлияния», по Х. Блуму, происходит между текстом и читателем в специфически культурном контексте. Это означает, что читатель, вступая в диалог с авторским текстом, трансформирует смысл этого текста в процессе восприятия. Х. Блум предлагает концепцию читателя как активной трансформирующей силы, то есть, собственно говоря, приходит к тем же заключениям, что и А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский.

В работах Х. Р. Яусса о литературе подчеркивается необходимость отхода от традиций нормативной эстетики, от незыблемости установленных канонов, регламентации литературы, всего того, что затрудняет возможность интерпретации литературных произведений.

Х. Р. Яусс и Х. Блум доказывают, что существенное влияние авторских текстов на реципиентов не препятствует наличию многообразных трактовок. Оба ученых утверждают, что смысл прочитанного постигается только в процессе сложного взаимодействия между читателем и текстом. Однако каждому субъекту, каждой исторической эпохе, указывают они, присущи свое видение тек-

та, своя интерпретация авторского смысла, зависящие от литературных конвенций той или иной эпохи, от эстетического опыта читателя. Главное, на что указывают Х. Р. Яусс и Х. Блум и чем существенно отличается их рецептивная идея от идей отечественных литературных теоретиков, заключается в следующем: в рецепции нужно уделять внимание не только личности исследуемого писателя, но и личности самого реципиента, его «горизонту ожидания».

То, что рассмотрено Х. Блумом и Х. Р. Яуссом в качестве частного случая, обретает новый и более общий смысл в концепции тезаурусного подхода, получившей в последнее время широкое признание⁸.

В этом ключе интересно проанализировать становление такого феномена, как «Русский Марсель Пруст», то есть процесс освоения творчества французского писателя в России.

Марсель Пруст (1871–1922) — крупнейший французский писатель XX века, один из «отцов» западноевропейского модернизма, оказавший заметное влияние на развитие современного романа, прежде всего на такие его жанровые разновидности, как лирический и психологический роман, создавший, по выражению Р. Барта, «эпопею современного письма»⁹.

С наступлением третьего тысячелетия Европа и США переживают прустовский бум. Как свидетельствует американская журналистка Карла Пауэр в своей статье для журнала «Ньюсуик», «многие увлеклись Прустом, точно так же, как некогда йогой. Это своего рода литературная терапия, требующая духовной дисциплины и терпения»¹⁰. В конце 1999 года роман Пруста «В поисках утраченного времени» занял лидирующее положение в авторитетном списке бестселлеров «Уитакер Бук-Треэк»¹¹.

Специалист по творчеству Пруста профессор Сорбонны Мирай Натюрель объясняет нынешнюю «моду» на Пруста повышенным интересом современного читателя к эпохе рубежа XIX–XX веков. «Людей, — пишет французский ученый, — больше инте-

ресует время, которое он изображал, чем сюжет. Его жизнь, как книга для справок, как Библия»¹².

Среди других причин всплеска «прустомании» называются фильм чилийца Рауля Руиса, снятый по роману «В поисках утраченного времени» в 1999 году и ставший сенсацией на кинофестивале в Каннах, исследование Алена де Боттона «Как Пруст может изменить вашу жизнь», новую подробную биографию Пруста, написанную авторитетным французским литературоведом Жан-Ивом Тадье¹³.

Что же на этом фоне можно сказать о «Русском Прусте»? Существует ли он вообще? В одной из своих недавних статей А. Д. Михайлов констатировал, что «в настоящее время Пруст прочно вошел в сферу интересов российских теоретиков и историков литературы; обращение к нему лишено теперь сенсационности, эпатажа и снобизма. Он вошел и в сферу интересов русских читателей <...>»¹⁴.

В течение нескольких последних лет в России активно стали издавать произведения Пруста и книги о нем. В 1999 году у нас наконец-то появился перевод «Обретенного времени», последней книги знаменитого прустовского романа «В поисках утраченного времени»¹⁵. В этом же году переиздается (через 72 года после первой публикации) русский перевод новелл и миниатюр Пруста «Утехи и дни»¹⁶, впервые на русском языке выходят сборники статей и эссе «Против Сент-Бева» и «Памяти убитых церковей»¹⁷, переводятся книги о Прусте французских авторов: писателя и критика Клода Мориака¹⁸, крупного французского философа Жюль Делеза¹⁹. В 2000 году появляется новый перевод романа «Обретенное время»²⁰, публикуется вновь в издательстве «Азбука» первый том «В сторону Свана» в переводе А. Франковского²¹. Тогда же выходит первый перевод на русский язык биографической книги Андре Моруа «В поисках Марселя Пруста»²². В 2001 году в нашей стране впервые публикуется сборник стихотворений Пруста «Портреты художников и му-

зыкантинов» с подстрочным переводом С. Нефедова²³.

Пруст действительно стал теперь привычным и «своим», однако это освоение прустовского наследия в России представляет собой длительный процесс, имеет давнюю историю, которая еще основательно не изучена.

В данной статье, вводящей в проблему «русского Пруста», было бы невозможно подробно осветить эту историю. Но весьма любопытно было бы проследить другой процесс, имеющий тем не менее прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Речь идет о том, как шел процесс изучения русской рецепции творчества Пруста. В рамках тезаурусного подхода еще не разрабатывались конкретные исследования таких феноменов, как «процесс процесса», или «отражение отражений», что может дать пищу для раздумий и обобщений в исследовании общей темы «Россия и Европа: диалог культур во взаимоотражении литератур», разрабатываемой коллективом исследователей, в который входят и авторы.

Первая же находка заключается в том, что русская рецепция Пруста заинтересовала не только отечественных, но и зарубежных литературоведов, причем довольно давно. В западной критике уже в 70-е годы XX века появилось несколько публикаций, освещающих проблему восприятия Пруста советским литературоведением²⁴. Так, в 1971 году в журнале «Эроп» была помещена статья Гастона Буачидзе «Несколько русских суждений о Прусте»²⁵, в которой были представлены высказывания нескольких наиболее известных в России критиков, переводчиков, литературоведов, писавших о французском романисте в 1920–1960-е годы (Л. Г. Андреева, С. Г. Бочарова, А. В. Луначарского, З. М. Потаповой, Н. Я. Рыковой, А. А. Франковского и др.). В работе Г. Буачидзе суждения представителей советской критики о творчестве автора «Поисков» даются в хронологическом порядке. Автор указал лишь на основные переводы прустовских произведений и сопутствующие им предисловия, статьи. Статья Г. Буачидзе имеет скорее рефератив-

ный, нежели аналитический характер. Избранный автором статьи литературоведческий сюжет лишен драматизма, а картина рецепции Пруста отечественной критикой — полноты: не представлена вся многообразная палитра оценок творчества Пруста. В рамках небольшой статьи оказалось невозможным раскрыть эволюцию «русского Пруста». Поэтому создается иллюзорное впечатление о вполне благополучном восприятии французского писателя в нашей стране и в 1920-е, и в 1960-е годы (за исключением только одного отрицательного отзыва из статьи М. Горького «Равнодушие не должно иметь места»). Статья французского исследователя не содержит выводов о специфике восприятия Пруста в России. Отсутствие описания историко-культурного фона и ситуации в советском литературоведении также не позволяет получить целостное представление о рецепции Пруста в СССР.

Г. Буачидзе не обошел вниманием первую диссертацию о Прусте М. В. Толмачева и первую книгу о нем же А. Г. Андреева, появившиеся в СССР в 1960-е годы. Правда, в своей статье французский ученый отметил, что «картина еще далека от завершения»²⁶.

Но, несомненно, первые «отражения отражений» должны были появиться в нашей стране. Это теоретически вытекает из тезаурусного подхода: в центре национального культурного тезауруса находится «свое»; если «чуждое» (по терминологии Н. В. Захарова) переходит в разряд «чужого», то есть уже не отвергаемого содержания тезауруса, а затем устремляется в сферу «своего», освоенного, то первыми могли заметить такую динамику, такое переструктурирование тезауруса именно отечественные литературоведы. Это подтверждается и практикой: отдельные аспекты интересующей нас проблемы затрагивались уже Е. А. Гальпериной²⁷, Н. Я. Рыковой²⁸, а это 1930-е годы, затем, после длительного перерыва (частично объясняющегося неактуальностью Пруста в годы войны и послевоенного восстановления страны, но также и началом разработки концепции модернизма, противопоставленного ре-

лизму, и отнесения Пруста к «отцам модернизма») в 1960-е годы в работах отечественных литературоведов Е. М. Евниной, В. А. Назаренко, З. М. Потаповой, А. Г. Андреева²⁹.

Это действительно были только отдельные замечания, тем не менее в те же 1960-е годы произошло качественное изменение ситуации: в диссертационном исследовании М. В. Толмачева впервые в отечественной науке дается краткий обзор основных литературоведческих работ о Прусте 1930–1963 гг.³⁰ В центре диссертации — проблема творческого метода французского писателя. В связи с этим исследователь отмечает, что вопрос о противоречиях Пруста был поставлен нашим литературоведением в 1930-е годы. М. В. Толмачев характеризует наиболее авторитетные работы, дающие объективную, развернутую характеристику проблематики и художественного своеобразия прустовских романов. Среди попавших в поле зрения ученого работ труды А. В. Луначарского, З. М. Потаповой, Н. Я. Рыковой, М. А. Яхонтовой. Работы критиков и литературоведов, писавших о Прусте в 1920-х годах, остаются вне поля зрения диссертанта. Критические статьи полемического характера или содержавшие негативные оценки творчества Пруста не вошли в обзор М. В. Толмачева. Практически не освещенной осталась проблема рецепции творчества французского писателя отечественным литературоведением в 1940–1950-х годах, которая, несмотря на неизбежную бедность материала, все же могла дать пищу для исследования. М. В. Толмачев анализировал названные работы прежде всего в аспекте интересующей его проблемы творческого метода Пруста. Ныне этот подход кажется слишком ограниченным и даже проблематичным, но в литературоведческом тезаурусе 1960-х годов метод писателя, нередко понимаемый догматически, был главным ориентиром, позволявшим выстроить систему оценок как творчества иностранного автора, так и его русской рецепции.

Более обстоятельная характеристика восприятия Пруста отечественным литературоведением была дана спустя много лет, в уже

другой стране — России, сменившей распавшийся СССР, во введении к монографии А. Н. Таганова «Формирование художественной системы М. Пруста и французская литература на рубеже XIX–XX веков и в его докторской диссертации «Формирование эстетической концепции Марселя Пруста»³¹. Основное внимание исследователя привлекают работы отечественных литературоведов и критиков 1920–1930-х годов (В. В. Вейдле, Б. А. Грифцова, Б. А. Кржевского, Е. Л. Ланна, К. Локса, А. В. Луначарского, А. А. Франковского и др.). Особенно интересным представляется раздел о рецепции творчества Пруста писателями и мыслителями — представителями русской эмиграции (М. А. Алдановым, Н. А. Бердяевым, В. В. Набоковым), выдающимися русскими поэтами Б. Л. Пастернаком, М. И. Цветаевой. Как видим, тезаурусные акценты и предпочтения новой эпохи здесь отчетливо отразились. При этом в монографии лишь контурно очерчен этап в изучении Пруста, который автор назвал «ренессансом» — 1960–1970-е годы (упоминаются работы Л. Г. Андреева, И. И. Анисимова, С. Г. Бочарова, А. И. Владимировой, Л. Я. Гинзбург, В. Д. Днепровы, З. М. Потаповой, М. В. Толмачева и др.), обойдены молчанием работы 1980-х годов, и это также характерно. А. Н. Таганов констатирует, что «наше литературоведение еще довольно далеко от исчерпывающего конкретно-целостного представления о творчестве знаменитого француза»³². Иначе говоря, развернутые исследования творчества Пруста, появившиеся в 1960–1970-е годы, для литературоведа новой эпохи представляются недостаточно содержательными, в большой мере устаревшими по своим подходам и выводам.

Между тем реальное положение было не совсем таковым, и скрытое возражение можно найти в кратком очерке рецепции Пруста в России, который дан в статье В. П. Трыкова «Пруст»³³. Автор, в частности, отмечает, что «с середины 50-х годов отечественное литературоведение возвращается к более диалектическому освещению и анализу творчества французского писателя»³⁴.

В подтверждение можно привести новаторский анализ романа «В поисках утраченного времени», опубликованный в 1982 году академиком Ю. С. Степановым³⁵.

Особый вклад в разработку проблемы «Пруст в России» вносят работы А. Д. Михайлова. Обширное предисловие А. Д. Михайлова к аннотированному каталогу «Литературные памятники» содержит ценные сведения о причинах, которые задержали публикацию книг Пруста в переводах А. А. Франковского и Н. М. Любимова³⁶.

В 1990-е годы появились две работы А. Д. Михайлова, посвященные проблеме рецепции Пруста. Первая из них — «Творчество Марселя Пруста в оценке советской критики 20-х и 30-х годов» — вышла в издаваемом в Париже журнале «Русская мысль» в 1991 году³⁷. По сути, эта статья являет собой набросок другой, более поздней, работы ученого, появившейся только через восемь лет в материалах сборника российско-французского коллоквиума. Свою вторую статью А. Д. Михайлов назвал «Восприятие творчества Марселя Пруста в России: от Пантеона к Антипантеону»³⁸. В ней известный ученый пишет о драматизме ситуации, в которой оказалось творческое наследие Пруста в России.

В 2000 г. издана антология «Марсель Пруст в русской литературе»³⁹, содержащая выдержки из литературно-критических статей, цитаты из писем и дневников, отдельные высказывания писателей, поэтов, критиков, ученых — словом, тех, кто и в России, и в русской эмиграции был знаком с творчеством Пруста. Отметим, однако, что список откликов далеко не полон, что отчасти восполняется библиографическим приложением к антологии с практически полным указанием всех работ о Прусте на русском языке, которые появились на протяжении XX века.

Антологию предваряет обстоятельная статья А. Д. Михайлова «Русская судьба Марселя Пруста»⁴⁰. Прежде всего необходимо отметить, что во всех названных работах ученого собран большой, интересный, нередко уникальный материал. До настоящего времени публикации А. Д. Михайлова

по рецепции Пруста в России наиболее содержательны. В них представлена широкая панорама взглядов на мастерство французского романиста от А. В. Луначарского до М. К. Мамардашвили. Отдельные страницы работ А. Д. Михайлова посвящены восприятию Пруста отечественными литераторами, находившимися в эмиграции (И. А. Бунин, Б. П. Вышеславцев, М. И. Цветаева, Б. Ф. Шлецер и др.), а также «драматическим» историям прустовских переводов и судьбам их переводчиков (Б. А. Грифцова, Н. М. Любимова и А. А. Франковского). Вместе с тем некоторые из отечественных критиков, писавших о Прусте, остались вне поля зрения ученого, другие лишь упомянуты.

В 2000 г. в журнале «Витрина читающей России» была напечатана статья А. Щербакова «Почему в России Прусту не везет?», затрагивающая интересующую нас проблему⁴¹. Автор статьи ограничивается рассказом о «судьбе» русских переводов прустовских произведений, издаваемых с конца 20-х и до 90-х годов XX века. Он, в частности, указывает, что «перевод и издания у нас многотомной эпопеи сопровождалась невероятной путаницей»⁴². Однако самому автору статьи не удалось избежать некоторой путаницы. Так, например, первый перевод на русский язык четырех прустовских отрывков из «Поисков» был сделан еще в 1924 году М. Рыжкиной, а вовсе не в конце 20-х годов, как указывает А. Щербаков. Известный переводчик Адриан Антонович Франковский назван Александром. Кроме того, в статье говорится, что первый перевод «По направлению к Свану», выполненный Н. М. Любимовым, появился в 1971 году, в то время как на самом деле он был опубликован в 1973 году.

Но вернемся к статье А. Д. Михайлова 1999 года, которую можно считать наиболее концептуальным исследованием рецепции Пруста в России. Автор работы выделяет пять этапов восприятия прустовского творчества в России. Первый из них, как указывает исследователь, приходится на первые два десятилетия XX века. Но результат этого этапа восприятия, по А. Д. Михайлову, «нулевой»,

так как нет ни одного документального подтверждения, ни одного упоминания о Прусте в нашей прессе. Второй этап — 20-е годы XX века — этап признания значительности Пруста-романиста, третий, переломный, этап — 1930-е годы, когда французский писатель по идеологическим причинам был отнесен к «упадочническим, буржуазным писателям». Следующий, четвертый, этап, по мнению А. Д. Михайлова, «этап сомнений, колебаний и разнобоя в оценках»⁴³, начинается только через двадцать лет и занимает период с начала 1960-х и до первой половины 1980-х годов. И последний, пятый, этап берет свое начало с середины 1980-х годов, но граница его завершения у А. Д. Михайлова не определена (то есть этап продолжается и поныне, что не вызывает сомнений). Этот период еще подлежит изучению. Он справедливо характеризуется ученым как «возвращение писателя в литературный пантеон»⁴⁴.

Но все же оценки или даже «оценки оценок» приобретут другой характер, если применить тезаурусный подход. Позицию ученого можно вкратце изложить следующим образом: величайший писатель Франции был по идеологическим причинам отторгнут от русского читателя и ныне возвращен ему с тем, чтобы занять свое законное место среди гениев литературы. Но действительно ли отторжение Пруста было произведено сверху и по идеологическим причинам? И возвращен сверху? Напомним, что первый том романа писатель опубликовал во Франции на свои деньги через два года после его завершения и разделенным издателем наполовину. Андре Жид, «модернист раньше Пруста», дал о романе отрицательное заключение. Первое шумное признание пришло к Прусту только в 1918 году, когда второй том романа был удостоен Гонкуровской премии. Почему же оно все-таки пришло? Закончилась Первая мировая война, и французский читатель смог откликнуться на произведение, вызывающее ностальгию по довоенному миру, канувшему в прошлое, смог испытывать тонкие чувства после нескольких лет торжества инстинктов, получил время читать огромный

текст, ощутил аромат длинной, хорошо построенной фразы, сменившей лаконичный язык военных сводок, телеграмм и приказов. Все это происходит в контексте обыденной жизни мирного времени с ее кафе и театрами, сменой мод и любовными увлечениями. За два года до этого, в 1916 году, Гонкуровской премии был удостоен роман А. Барбюса «Огонь», «дневник одного взвода», насыщенный кровью, нецензурщиной, смертью, и, несмотря на трудности, он был напечатан, хоть и на плохой бумаге, огромным тиражом, потому что именно этот роман, а не роман Пруста читался французами.

Теперь перенесемся в Россию 1918 года. Только что произошла революция, началась гражданская война. Кому мог быть адресован роман Пруста? Кто его мог прочесть в разоренной войной, почти сплошь неграмотной стране? Кто мог отозваться на изысканность длинных фраз и проблемы любовных переживаний героев? Сам стиль жизни, мышления потенциальных читателей и исследователей в послереволюционной России не имел ничего общего с жизненным ощущением Пруста, чтобы возник хоть какой-то культурный диалог. В культурный тезаурус «чужое» входит при ощутимых связях со «своим». Даже слой русского общества, воспитанный на русской классике с ее приоритетом этического начала, на Тургеневе и Достоевском, на недавно ушедших из жизни и потому воспринимавшихся как современники Толстом и Чехове, на Бунине и молодом Горьком, не имел опоры в своем художественном опыте для того, чтобы откликнуться на содержание и форму романа Пруста.

«Русский Пруст» в полном смысле слова стал возможен только сейчас, но не потому, что снята идеологическая цензура, а потому, что русский и европейский тезаурусы настолько сблизились, что диалог культур вступил в новую — интенсивную — фазу своего развития.

¹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 506.

² Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961. С. 14. См. также классические труды: Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л., 1924; Его же. Пушкин и западные литературы // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 3. М.; Л., 1937 (обе работы переизданы в кн.: Его же. Избр. труды: Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978); Его же. Гете в русской литературе. Л., 1937.

³ См.: Алексеев М. П. Виктор Гюго и его русские знакомства // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32; Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965; Его же. Из истории английской литературы. Этюды. Очерки. Исследования. М.; Л., 1960; Гроссман А. П. Бальзак в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32; Елизарова М. Е. Мериме и Пушкин // Уч. зап. МГПИ. Вып. 4. М., 1938; Ее же. Творчество Чехова и вопросы реализма конца XIX века. М., 1958; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978; Катарский И. М. Диккенс в России. М., 1968; Кирнозе З. И. «Друг другу чужды по судьбе, Они родня по вдохновенью...» (О том, что сближало П. Мериме и А. С. Пушкина) // Мериме — Пушкин: сборник / сост. З. И. Кирнозе. М., 1987. С. 5–26; Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения // Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. М., 1978. С. 29–48; Его же. К вопросу о литературных связях // Там же. С. 49–59; Михальская Н. П. Диккенс в России // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 10 т. М., 1987. Т. 10. С. 713–729; Ее же. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М., 1995; Пронин В. А. Поэзия Генриха Гейне. Генезис и рецепция : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994; и др.

⁴ Из работ российских литературоведов последнего времени выделим следующие: Геллер Т. А. Мольер в России. Казань, 1998; Гуляева И. Б. Драматургия Эдмона Ростана в восприятии русской критики : дис. канд. филол. наук. М., 1997; Ипатов А. В. Лессинг в России : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997; Калининко-

ва Н. Г. Восприятие творчества Бенжамена Констан в России первой половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. М., 1993; Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность). 1830–1860 гг. : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1999; Молдавская О. Е. Новалис в России (XIX — начало XX века) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997; Терентьева Д. В. Карл Фердинанд Гуцков в России : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999; Оскар Уайльд в России. Библиографический указатель 1892–2000 гг. / сост. и автор вступ. статьи Ю. А. Рознатовская. М., 2000; Морис Метерлинк в России Серебряного века / под ред. Ю. Г. Фридриштейна; сост. М. В. Линдстрем; вступ. ст. Н. В. Марусяк. М., 2001.

⁵ См., напр.: Гроссман Д. Д. Эдгар По в России. Легенда и литературное влияние. СПб., 1998; Корнуэлл Н. Джойс и Россия. СПб., 1998; Ключ Э. Ницше в России. Революция морально-го сознания. СПб., 1999; и др.

⁶ См. об этом подробнее: Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1996. С. 130.

⁷ Цит. по: Ключ Э. Ницше в России. С. 11.

⁸ О тезаурусном подходе см. статьи, опубликованные в журнале «Знание. Понимание. Умение»: Луков Вал. А., Луков Вал. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 93–100; Луков Вал. А. Литература: теоретические основания исследования // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2. С. 136–140; Захаров Н. В. Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир» // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2. С. 153–155; Тарасов А. Б. Понимание праведничества // Знание. Понимание. Умение. 2006. №1. С. 41–48; Захаров Н. В., Луков А. В. Школа тезаурусного анализа // Знание. Понимание. Умение. 2006. №1. С. 231–233; и др.

⁹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 386. В отечественном литературоведении отмечалось возможное влияние Пруста на стилистику романа «Город Эн» Л. Добычина, на писательскую манеру Ю. Оле-

ши и К. Федина (см. об этом, напр.: Берковский Н. Я. О прозаиках // Звезда. 1929. №12. С. 276–277; Зелинский К. Учусь у товарищей // Литературная газета. 1963. 28 мая. С. 1–3; Михайлов А. Д. Русская судьба Марселя Пруста // Марсель Пруст в русской литературе. М., 2000. С. 17).

¹⁰ См. об этом подробнее: Пауэр К. Модное имя. Быстрое время... // Итоги. 2000. 15 февр. (№7). С. 64–65.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² За рубежом. 2000. № 8, 2–8 марта. С. 10.

¹³ См.: там же.

¹⁴ Михайлов А. Д. Русская судьба Марселя Пруста. С. 40–41.

¹⁵ См.: Пруст М. Обретенное время / пер. с фр. А. И. Кондратьева. М., 1999.

¹⁶ См.: Пруст М. Утехи и дни / пер. с фр. Е. Тарховской и Г. Орловской. СПб.; М., 1999.

¹⁷ См.: Пруст М. Против Сент-Бева: Статьи и эссе. М., 1999; Его же. Памяти убитых церквей. М., 1999.

¹⁸ См.: Мориак К. Пруст. М., 1999.

¹⁹ См.: Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999.

²⁰ См.: Пруст М. Обретенное время / пер. с фр. А. Смирновой. СПб., 2000.

²¹ См.: Пруст М. В сторону Свана. СПб., 2000.

²² См.: Моруа А. В поисках Марселя Пруста: Биография. СПб., 2000.

²³ См.: Пруст М. Портреты художников и музыкантов. Стихотворения / пер. В. Ладогина; подстроч. пер., предисл. и коммент. С. Нефедова. СПб., 2001.

²⁴ См.: Bancroft W. J. Realist or Decadent? Proust in USSR // Mosaic. 1973. №6. P. 1–18; Boisdeffre P. de. Marcel Proust devant les critiques // Nouvelles littéraires. 1971. 18 mars.

²⁵ См.: Boitchidzé G. Quelques jugements russes sur Proust // Europe. 1971. №49. P. 156–166.

²⁶ Ibid. P. 156.

²⁷ См.: Гальперина Е. Л. Марсель Пруст // Литературный критик. 1934. №7–8.

²⁸ См.: Рыкова Н. Я. На последнем этапе буржуазного реализма (Творчество Марселя Пруста) // Пруст М. Собр. соч. : в 4 т. Л., 1936. Т. 3.

- ²⁹ См.: Евнина Е. М. Современный французский роман (1946–1960). М., 1962; Назаренко В. А. Мировоззрение и мастерство // Октябрь. 1963. № 11; Потапова З. М. Марсель Пруст // История французской литературы. М., 1963. Т. 4; Андреев А. Г. Марсель Пруст. М., 1968.
- ³⁰ См.: Толмачев М. В. Марсель Пруст. К вопросу о кризисе французского модернистского романа 1920-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- ³¹ См.: Таганов А. Н. Формирование художественной системы М. Пруста и французская литература на рубеже XIX(XX) веков. Иваново, 1993; Его же. Формирование эстетической концепции Марселя Пруста : дис. ... доктора филол. наук. М., 1996.
- ³² Таганов А. Н. Формирование художественной системы М. Пруста... С. 19.
- ³³ См.: Трыков В. П. Пруст // Зарубежные писатели : библиограф. словарь : в 2 ч. / под ред. Н. П. Михальской. М., 1997. Ч. 2. С. 161–167. Отметим глубокие, хотя и предельно кратко высказанные, соображения этого же автора по теме «Русский Пруст» в работе: Трыков В. П. Полифония Ф. М. Достоевского и «гносеологический» роман М. Пруста // Ленинские чтения. По итогам научно-исследовательской работы за 1990 год. М., 1991. Ч. 1.
- ³⁴ Трыков В. П. Пруст. С. 166–167.
- ³⁵ См.: Степанов Ю. С. Марсель Пруст, или жестокий закон искусства // Proust M. A la recherche du temps perdu: A l'ombre des jeunes filles en fleurs. М., 1982. С. 5–29.
- ³⁶ См. предисловие к аннотированному каталогу: Литературные памятники. 1948–1998. М., 1999. С. 39.
- ³⁷ См.: Михайлов А. Д. Творчество Марселя Пруста в оценке советской критики 20-х и 30-х годов // Русская мысль (Париж). 1991. 28 июля (лит. приложение № 12). С. 14–15.
- ³⁸ См.: Михайлов А. Д. Восприятие творчества Марселя Пруста в России: от Пантеона к Антипантеону // Литературный Пантеон: национальный и зарубежный : материалы рос.-фр. colloquium. М., 1999. С. 237–250.
- ³⁹ См.: Марсель Пруст в русской литературе. М., 2000.
- ⁴⁰ См.: Михайлов А. Д. Русская судьба Марселя Пруста // Марсель Пруст в русской литературе. С. 5–41.
- ⁴¹ См.: Щербаков А. Почему в России Прусту не везет? // Витрина читающей России. 2000. № 1/2. С. 36–37.
- ⁴² Там же. С. 36.
- ⁴³ Михайлов А. Д. Восприятие творчества Марселя Пруста в России... С. 248.
- ⁴⁴ Там же. С. 249.